Л. А. ЧЕРНАЯ

О понятии «чин» в русской культуре XVII века

Понятие «чин» встречается уже в «Остромировом евангелии», «Шестодневе», «Повести временных лет», «Поучении Владимира Мономаха» и многих других памятниках Киевской Руси. Оно проходит через все средневековье, получая особое «огосударствление» в XVI в. и претерпевая особое переосмысление во второй половине XVII столетия. Появление этого полисемантического понятия связано с проникновением на Русь раннехристианской литературы и религии. И. И. Срезневский насчитывал четырнадцать его значений: 1) порядок, 2) подчинение, 3) последование, 4) правило, устав, 5) степень, 6) должность, 7) сан, 8) сонм, собрание, 9) знамя, 10) значение, 11) время, и т. д. — и это, вероятно, еще не все.[1]

Сама идея порядка, строгой и стабильной уравновешенности жизни, подчиненной иерархии, свойственная христианскому миропониманию и пришедшая на смену хаотичному, неустойчивому, распадающемуся мировоззрению Римской империи, была живительной, обновляющей для византийской культуры, да и для всей европейской культуры раннего средневековья.[2] В основе этой идеи порядка — тезис о божественном присхождении «чина». И слово и действие начинаются и кончаются по указанию, исходящему от Бога: «Елма же и чин добр вьсему начинаему слову и деянию от Бога же начинати и в то сконьчевати». Так писал Григорий Назианзин в «Апологии...».[3] Отсюда проводилась мысль о совершенстве и незыблемости «чина»: «Колико зло есть еже свой чин комуждо преступати и уставныя пределы без боязни миновати».[4] Эта мысль из «Шестоднева» неоднократно встречается затем в самых разных средневековых источниках, закрепляя «чин» как ограду существующего порядка вещей в мире сверху донизу во всех элементах, на всех уровнях.

Поскольку макрокосм и микрокосм, выстроенные христианством, подчинялись «эйдосу» Бога, «чин» в самом обобщенном смысле приравнивался к богоустроенному порядку, был неотделим от «эйдоса». Отсюда же связь понятия «чин» с понятиями о красоте, гармонии, вырабатываемыми христианским мировоззрением. Красота в сочинениях отцов церкви неотделима от «эйдоса», она одновременно и «прекрасное» и «благое» («благое—прекрасное»), таковой ее делает «эйдос», божественная идея, без которой не может быть красоты. Единицей измерения красоты и становится

---

[1] Срезневский, Материалы. Т. 3. Стб. 1519—1522.
[2] Культура Византии. IV—первая половина VII в. М., 1984.
[3] Цит. по: Срезневский, Материалы. Т. 3. Стб. 1520.
[4] ПЛДР: XII век. М., 1980. С. 186.

© Л А. Черная, 1993.

«чин». Так, в «Пандектах» Антиоха XI в. утверждается: «Все бо в чин свои имети есть лепо».[5] Мера благости соответственно и есть мера красоты, выражающейся понятием «чин».

Еще одна особенность данного понятия привлекает к себе внимание; впервые на нее указал Д. С. Лихачев: «...средневековый книжник, создавая или переписывая произведение, создает известное литературное „действо", „чин". Чин этот существует сам по себе».[6] Этикетное, ритуальное восприятие жизни сказывалось в том, что любое действие (от придворных церемоний до крестьянского отхода ко сну) должно было иметь свой чин. Чин совмещал в себе одновременно и динамику и статику; он был как бы застывшим действием. Происходя от основы «чин», в русском языке до сих пор функционирует глагол «чинить» — делать, совершать. Совершенное когда-то действие, какой-то единовременный акт приобретал через понятие «чин» значение образца, канона для всех последующих повторяющих его действий. Собственно, задача древнерусской культуры сводилась к повторению зафиксированных библейской историей явлений, идей, образов, с тем чтобы через «чин» примкнуть к высшим священным явлениям, идеям, образам, дотянуться до «благого—прекрасного», заложенного в них. Ориентация на прошлое — на время Христа, когда произошли основные всемирные события, лишь «повторяемые» затем в культуре из века в век, — явление, хорошо известное и глубоко изученное в современной науке.[7] А вот роль «чина» в этой ориентации, в попытках «оживить» давно прошедшие святые имена, факты, мысли и т. д. пока что не ясна.

Отмеченные основные черты понятия «чин» (связь с феноменом христианского понимания красоты, с одной стороны, и функция сохранения и воспроизведения этой красоты—благости через застывшее действие) делали его, на наш взгляд, фундаментальным понятием русской средневековой культуры. Они же определяли и его многозначность, разветвленность, всеобъемлемость. В нашу задачу не входит проследить развитие и изменение этого понятия на протяжении XI—XVI вв. — это отдельный большой вопрос. Отметим только, что в разные исторические эпохи значение «чина» было огромным в культуре и жизни русского народа, однако, естественно, разные аспекты этого универсального понятия выдвигались на передний план. Его развитие тесно связано с изменениями роли этикета, церемониальности культуры, с одной стороны, но, кроме того, с углублением иерархичности всей средневековой жизни. Социальный аспект, например, резко обозначился во второй половине XVI в., когда понятие «чин» было закреплено за различными категориями феодального общества: «чины служилые» и «чины земские» заменили «людей служилых» и «людей земских» в официальных документах, а также в обыденной речи.[8] Время Ивана Грозного крепко связало «чин» с определенной ступенькой на иерархической лестнице, внеся одновременно в это понятие догматизм, однозначность, «государственность». Такое явление как местничество также тесно связано с пониманием «чина», поскольку в «чине» соединялись элементы, из которых слагалось местничество: «место и честь» рода. Отголоском этой связи была пословица: «Чин чина почитай, а меньшой садись на край». Именно в социальной сфере «чин» прожил яркую и сложную жизнь, но об это дальше.

---

[5] Цит. по: Срезневский, Материалы. Т. 3. Стб. 1520.

[6] Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979. С. 93.

[7] См.: Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси. 2-е изд. М., 1970; Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 37—56; и др.

[8] Ключевский В. О. Терминология русской истории // Соч. М., 1958. Т. 6. С. 160.

Какой бы аспект понятия «чин» (и даже не просто понятия, а целого комплекса, мира понятий) мы ни взяли, обнаруживается то главное, что делало его полисемантичным, универсальным, живучим. Это, на наш взгляд, вертикальная ось, лежащая в его основе, «лествица», уводящая с земли на небо, связующая их в одно целое. Чин — выразитель этой иерархичности, этой связи, он и сама «лествица», и каждая ее ступень, и процесс движения по ней... Чин — единица измерения и благости, и красоты, и значимости человека или явления, он, как камертон, по которому писатель настраивает свой язык, художник выстраивает композицию, подбирает краски и т. п. Чин близок к форме и в то же время значительно шире нее, поскольку он выполняет системообразующую функцию. Пожалуй, наиболее близок он к понятию «канона» (правда, в нынешнем широком значении этого слова, так как в средневековье канон имел более узкое содержание, связанное с церковным уставом, монастырскими правилами и церковными песнопениями).

Итак, если «чин» в широком смысле — это божественный порядок, фиксирующий в основном вертикальную иерархию связей явлений, а в более узком смысле слова — каждый элемент этой системы, имеющий протяженность во времени («действо») и поэтому представляющий как бы горизонтальную линию бытия, то первый можно обозначить как «макрочин», а второй как «микрочин».

Божественное происхождение этих понятий выявляло любые попытки нарушить «чин». Каждое новое явление должно было или приобрести свой образ посредством фиксированного «чина», либо объявлялось «безчинным», а значит, греховным. Поэтому так велика была боязнь всего нового в средневековье. С этой точки зрения, например, показательно новаторство Андрея Рублева, сумевшего создать «чин» Троицы, ставший образцом для последующих поколений и узаконенный именно как «чин» на Стоглавом соборе 1551 г.

* * *

XVII век воспринял от предшествующих столетий все и всяческие концепции «чина»: политическую, социальную, культурную, религиозную, бытовую и т. д. И этот «бунташный» век начался с нарушений «чина», вызванных Смутным временем.

Сама «смута» в целом осмыслялась в публицистике начала XVII столетия как крушение системы «чина», как попытка низов захватить чины верхов, разрушив иерархию, установленную свыше. Наиболее ярко саму ситуацию описал Авраамий Палицын в своем «Сказании...», он же дал и однозначную оценку ее: «Всяк же от своего чину выше начашя сходити, раби убо господие хотяще быти и неволнии к свободе перекачюще».[9] Предпосылкой такой ломки социальных устоев было расшатывание системы чина при Борисе Годунове, который сам нарушил чин, взойдя на престол не по праву. Он первым попытался преодолеть местничество — наиболее сильное выражение господства чина в социальной сфере. По свидетельству автора XVIII в. (возможно, В. Н. Татищева, по предположению А. А. Куника),[10] «...царь Борис Годунов, видя что из того (местничества. — *Л. Ч.*) государству великой вред наносится, начал отставливать, и при нем уже многие без мест были...».[11] Смутное время показало всю опасность «безчинного» су-

---

[9] Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 119.
[10] АРАН СПб. отд-ние, ф. 95, оп. 5, № 29 («Жизнь царя Феодора Алексеевича»).
[11] Там же, л. 7.

ществования и, вероятно, поэтому при Михаиле Романове не только вернулось и укрепилось местничество, но чин восторжествовал и во всех остальных сферах.

При дворе шагу нельзя было ступить без «чина». Не только «Чин венчания на царство... Михаила Федоровича...» был разработан и зафиксирован, но свой чин получили каждый выход государя, каждая встреча его с патриархом, с подданными, иноземными послами и т. д. В одной рукописи начала XVII в. рассматривались все ситуации, при которых встречались царь и патриарх, причем указывались и место встречи, и атрибуты встречи, и речи, которые должен был произносить патриарх и государь, и позы, и поклоны, и «примолвки». Так, например, в документе оговаривается, что «чин празднования нового лета» начинают на «площади против Архангела» (т. е. на Соборной площади Московского Кремля напротив Архангельского собора), а по «совершении чина» патриарх входит к государю и «здравствует» его, а царь в ответ произносит следующие слова: «Я, великий государь и великий князь, имярек, всея Русии самодержец, в сии настоящий день начинаем начало индикту, сиирех вход новому лету и молим... о вселенском устроении и о благостоянии в святых Божиих церквах и о многолетнем здравии...». Если патриарх приходил к государю «для земских великих дел», то он должен был «поклонитца государю в землю», а тот должен был спросить о здоровье патриаршем, на что и получить чинный ответ: «...и вашим царским призрением, богомолец ваш, еще жив». На вопрос патриарха о царском здравии монарху предписывалось отвечать: «Божию милостию и... твоим благословением дал Бог жив».[12]

К середине XVII в., когда новая династия утвердилась в лице «тишайшего» Алексея Михайловича, количество придворных действ-чинов начинает возрастать. Помимо «Чинов поставления на царство» и традиционных церковных чинов появляется целый ряд новых, отражающих как общегосударственную, так и частную жизнь монарха. В частности, ритуальному оформлению подвергается соколиная охота царя: «Книга, глаголемая Урядник, новое уложение и устроение чина сокольничья пути» (1656). В предисловии к «Уряднику» содержится обоснование «чина» как главной черты каждой вещи, события, человека. Это чрезвычайно важное обоснование, отмеченное А. Н. Робинсоном, считающим «чин» «одной из идеологических особенностей абсолютизма»,[13] доказывает, что понятие это становится одним из важнейших в русской культуре. В предисловии декларировалось: «И по государеву указу никакой вещи без благочиния и без устроения уряжнаго и удивительного не было; и чтобы всякой вещи честь и чин и образец писанием предложен был, потому: хотя мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна... А честь и чин и образец всякой вещи большой и малой учинен по тому: честь укрепляет и утверждает крепость; урядство же уставляет и объявляет красоту и удивление...».[14] Как уже отмечалось ранее, «чин» изначально связывался с понятием прекрасного—благого, так что автор (или авторы предисловия, среди которых, возможно, был и сам Алексей Михайлович) только раскрыл широко известное и принимаемое в русской культуре понятие, связал его с традиционно вкладываемым в него содержанием — стройностью, мерой, порядком, благом, красотой. Тем самым они расшифровали для нас понятие чина, сделав его предельно ясным. Интересно другое, а именно то, что

---

[12] Там же, разр. IV, оп. 1, № 219, л. 1—7.

[13] Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 100.

[14] Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольничья пути. М., 1856. С. 89—90. Ср.: ПЛДР: XVII век. М., 1988. Кн. 2. С. 286.

«Урядник» выдвигает требование письменной фиксации чина всякой вещи, следовательно, возникает потребность в письменном закреплении средневековых норм и канонов. С одной стороны, это вызывается, как справедливо считает А. Н. Робинсон, эстетизацией придворного быта, ростом абсолютизма и формированием особой придворной культуры,[15] но, с другой стороны, канонизации через чин должна быть подвергнута не только придворная культура, а любая «большая и малая вещь», а вернее, любое действие не только в придворном быту, но гораздо шире. Чин каждой вещи, в принципе, уже существовал и был известен. Теперь его необходимо было довести до совершенства и зафиксировать намертво с помощью образца. Такая необходимость могла возникнуть по нескольким причинам: во-первых, из-за появления целого ряда новых культурных явлений, не укладывающихся в старые каноны, а потому требующих для себя соответствующей формы; во-вторых, потому, что началось разрушение закрепленных лишь устной традицией старых «чинов», появилось «безчиние» и даже «самочиние», что могло разрушить систему чина в принципе; в-третьих, придворная культура вступала во все более тесные контакты с культурами других стран, а это влекло за собой попытки «удивить» иностранных послов и представителей купечества ритуальной пышностью, величием, богатством убранства и оформления, что также укладывалось в рамки «чина». Бывая на церемониях в зарубежных странах, русские послы, как правило, оценивали парады, триумфальные шествия, торжественные мероприятия все тем же близким им эпитетом «чинно»: «...сего дни аглинского посла дворовой маршалок добре чинно встретил и с ним в город въехал...», «...дука де Ферия з женою своею в город Милан приехал добре чинно...» и т. п.[16] Естественно, что «чин», который и так властвовал при царском дворе, должен был охватить все уголки и закоулки царской жизни, открытой для иностранных глаз. Постепенно вырабатывавшиеся ритуалы приема иноземных послов в середине XVII в. закреплялись как незыблемый «чин», хотя уже и в XVI столетии этот процесс шел очень интенсивно. Так, например, когда А. Поссевино заметил боярам, что в Западной Европе при приеме послов в тронных залах нет вооруженной охраны правителей, то в ответ услышал, что воины около государя не что иное, как «государей чин да и гроза».[17] Тогда же в «чин» государя входил целый ряд атрибутов (держава — «царского чина яблоко»), причем они подразделялись на два разряда — «большой чин» и «малый чин», в основном это касалось царского платья, но включало также и другие атрибуты власти, и поведение царя при разных видах аудиенций. Поэтому третья причина, вызывавшая оформление системы «чина» в русской культуре середины XVII столетия, представляется нам не самой важной, гораздо серьезнее первые две причины.

Новые явления русской культуры, которые после открытых границ периода Смуты, а затем, в особенности после присоединения Украины, все чаще удивляли русских людей, претерпевали на русской почве закономерную трансформацию, если не отвергались сразу. Удивление, вызываемое ими, было совершенно иного рода, чем то, о котором писал автор предисловия в «Уряднике...»: «удивление» перед «чином» вызывалось его величием, благочестием, оно приравнивалось одновременно и к умилению и к страху, что должно было всегда сопровождать в душах верующих соприкосновение с вещами божественными. Новизна содержания или формы

---

[15] Робинсон А. Н. Борьба идей... С. 98—105.

[16] Вести-Куранты. 1600—1632 гг. М., 1972. № 26. С. 136; № 30. С. 147.

[17] Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1871. Т. 10. С. 224.

того или иного явления или произведения искусства, напротив, не удивляла, а возмущала, провоцируя чувство вины, греховности, разрушения «чина». В русских источниках XVII в. мы найдем массу свидетельств подобного возмущения и страха. Так, например, в предисловии к «Типикону» 1682 г. как заклинание звучала мысль, что издатели ни в единой букве не погрешили против «чина», не ввели ничего «самочинного, паче же рещи безчинного». Впрочем, в подобных изданиях церковнослужебного характера, к тому же выпускаемых после церковного раскола в период борьбы со старообрядцами, страх перед чином удваивался. Печатный двор на протяжении XVII столетия выпустил множество «Чинов» того или иного церковного мероприятия: «Чин избрания епископа» (1630), «Чин мироварения и мироосвящения» (1624), «Чин исповеданию святейшим патриархом» (1630), «Чины церковные» (1630), «Чин пещнаго действа» (1630), «Чин освящения воды» (1655), «Три чина присяг» (1654) и др.[18] Естественно, что в церковной сфере «чин» приобретал абсолютную ценность и незыблемость. Но поскольку в русской культуре XVII в. еще не было сфер вне церковного контроля и вне религиозного мировоззрения, еще только делались попытки создания подобных сфер, вернее, появились единичные явления, впоследствии сгруппировавшиеся в независимые от церкви (но не от религии!) сферы, то такое положение наблюдалось везде. Самостоятельное изменение «чина», даже не в целом, а отдельных элементов его, называвшееся «самочинием», осуждалось и официальной церковью, и противниками «никониан» — старообрядцами, и сторонниками «древлего благочестия», и общей массой традиционалистов. Еще более суровому осуждению подвергалось «безчиние», т. е. либо совсем новые явления, расходящиеся в принципе со средневековой культурой России, либо «традиционно-безчинные», издавна не признававшиеся церковью (в частности, языческие элементы в культуре, апокрифические произведения и т. п.). В качестве наиболее ярких примеров можно привести сочинения протопопа Аввакума, с одной стороны, и окружные послания патриарха Адриана, митрополита Ионы и других иерархов церкви — с другой.

Опуская широко известные высказывания Аввакума, сошлемся на Окружную грамоту Адриана (еще в сане архиепископа) — «Слово всякому чину людем Господним, комуждо како должно чин звания своего хранити», где утверждался принцип следования «догматам», «преданиям отцов», «заповедям Божиим», своему статусу в гражданской жизни, а также осуждались нарушения «чина жития христианского», в особенности «шкаредомерзское табакопийство».[19]

«Традиционно-безчинное» скоморошество, народные игры, песни и танцы, сохранявшие языческую первооснову, практически не выпадали из поля зрения христианской критики, но в середине XVII в. критика эта стала и шире и глубже.[20]

Нетрадиционное, новое «безчиние» пришло во все сферы русской жизни. В социальной структуре общества наметилась тенденция к преодолению «чина»-местничества, тормозящего социально-экономическое развитие страны в целом: в 1682 г., как известно, был принят указ, отменявший местничество. Теперь знатность и место рода не гарантировали потомкам чин и честь предков, однако, во-первых, оценка человека по «породе» еще долго

---

[18] Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв.: Сводный каталог / Сост. А. С. Зернова. М., 1958.

[19] ЦГАДА, ф. 181, оп. 1, № 133, л. 58—63.

[20] См.: АИ. СПб., 1842. № 35, 151, 203; СГГД. М., 1822. Т. 3. № 460; ААЭ. СПб., 1863. Т. 4. № 19, 326; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 2. № 1101 и др. (далее ПСЗ).

жила в определенных слоях русского общества, а во-вторых, отход от местничества произошел как бы наполовину, поскольку феодально-местнический «чин» переродился в бюрократический «чин». Проявлялось это в том, что, с одной стороны, худородное дворянство, да и другие «разночинцы», получили возможность подняться по социальной лестнице, опираясь не на знатных предков, а на свой ум, знания, способности и «фортуну», и им уже не приходилось, как, скажем А. Л. Ордину-Нащокину, преодолевать мощное сопротивление «одебелившего завистью боярства»,[21] но, с другой стороны, чиновный статус на иерархической бюрократической лестнице становился их вторым «я», даже больше, чем «я», — он заменял личность. После введения «Табели о рангах» в 1722 г. каждый чиновник с 14-го по 1-й «чин» обязан был постепенно подниматься по служебной лестнице, выслуживаясь перед «Отечеством», а фактически — перед абсолютистской властью.[22] С низшей ступени чиновники получали личное дворянство (до 1856 г.), с 9-го ранга штатские получали потомственное дворянство, военные — с 12-го ранга (и таким образом формировалось «благородное служилое сословие»). Сословная честь во многом заменила честь личную примерно ко второй половине XVIII в.,[23] чувство личного достоинства в рассматриваемое время еще только пробуждалось (как писал П. Н. Милюков, «чувство личного достоинства, которое могло бы служить общественной гарантией против насилия, и в наше время едва ли можно считать выработанным»),[24] отсюда «чин» вобрал в себя все тенденции развивающегося личностного начала. В «Табели о рангах» было требование, чтобы человек соответствовал «достоинству и знатности чина»: «...понеже знатность и достоинство чина какой особы часто тем умаляется, когда убор и прочий поступок тем не сходствует».[25] А личное оскорбление — «безчестье» — теперь соотносилось с знатностью и достоинством чина, а отнюдь не с человеческим достоинством. Так, например, советник Степанов в 1722 г. жаловался на вице-канцлера: «...я о моей персоне не говорю, только характер канцелярии советника не допускает не токмо побои, но и брани терпеть».[26] Подобных примеров можно привести много.

Таким образом, в социальной сфере «чин» восторжествовал над «породою», но одновременно и над личностью. Разрушился старый чин в широком значении слова, зато выстроился новый — в узком понимании термина «чин», но черты «макрочина» ярко отразились и на «микрочине».

В других сферах русской жизни и культуры наблюдаются аналогичные процессы: идет переосмысление «чина», наполнение новым содержанием либо отказ от старого канона совсем. Так, в бытовой сфере происходит смена механизма «чина» механизмом моды: молодые люди бреют бороды, носят дорогие яркие платья, устраивают себе богатый выезд, в домах появляются зеркала, европейская мебель, другие украшения, считавшиеся ранее неприличными, и т. п. Сбривание бороды воспринимается традиционалистами как нарушение «образа и подобия Бога» в человеке, а значит, одного из наиболее важных «чинов» человека. «Блудолюбивый» облик Матфея «бритобрадца» привел в негодование протопопа Аввакума,[27] осуж-

---

[21] Цит. по: Ключевский В. О. Соч. М., 1967. Т. 3. С. 338.

[22] Подробнее см.: Черная Л. А. От идеи «служения государю» к идее «служения Отечеству» // Ежегодник по истории общественной мысли. М., 1989 (в печати).

[23] См.: Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1903. Ч. 3. С. 191.

[24] Там же.

[25] ПСЗ. СПб., 1830. Т. 6. № 3890.

[26] АРАН, СПб. отд-ние, ф. 113, № 72, л. 69.

[27] Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. С. 75—76.

далось брадобритие в посланиях патриархов,[28] а Дмитрию Ростовскому пришлось доказывать, что «образ и подобие» не сходятся на бороде, что не в бороде и дело-то...[29] Сами чинонарушители следовали европейской моде на бритое лицо с начала XVII столетия, и, несмотря на проклятия церкви, мода пересилила. Тот факт, что механизм моды начал функционировать в русском обществе XVII в., свидетельствует о том, что «чин» поведения в обществе и быту размывался «личностным началом», поскольку обращение к «безчинному» — западноевропейскому платью, сбриванию бород и т. д. говорит о попытках русских людей XVII в. преодолеть сословные разграничения, маркированные во внешнем облике, скрыть свою «породу» и проявить свою индивидуальность. Не говоря уже о том, что следование моде было довольно-таки смелым шагом в то время, так как преследовалось не только церковью, но и обществом в целом, кроме того, оно было шагом навстречу размежеванию «блага» и «красоты», т. е. разрушению самих основ феномена «чина». Чисто эстетический подход к пониманию красоты, прослеживаемый в это время в искусстве, литературе, музыке и т. д., со всей очевидностью проявился и в бытовой области, в частности та же борода по-прежнему оценивалась как «благо» и увязывалась с «образом и подобием Бога», однако безбородое лицо начало оцениваться как «красота», а рамки моды создавали новое чинное обрамление ему, как и новому покрою платья, и т. д. Мода заменила «чин», отделив «внешнее» — светское — от «внутреннего» — духовного. Защитник моды Юрий Крижанич писал, что все, «кои в мирском стану живут», должны иметь полную свободу в выборе образа жизни (носить длинные волосы, слушать светскую музыку, брить бороды и т. п.).[30]

Нарушения «чина» в семейном быту, частной и общественной жизни опосредованно отразились в русской литературе этого времени. Это хорошо видно на примере конфликта поколений, ставшего одной из центральных тем. Молодые герои повестей пренебрегают советами отцов, вернее, узаконениями отцов, поскольку чин взаимоотношений отцов и детей предписывал полное подчинение младших старшим. Дети стремятся к полной самостоятельности в поступках, не желают следовать традиционному «чину», они уже не оглядываются назад, на законы предков, а тянутся вперед к новизне. Таковы Савва Грудцын из «Повести о Савве Грудцыне», молодец из «Повести о Горе-Злочастии», Фрол Скобеев из «Сказания о Фроле Скобееве». Все они в той или иной степени нарушили «чин»: Савва Грудцын не выполнил волю отца, заключил договор с дьяволом, вступил в любовную связь с чужой женой; герой «Повести о Горе-Злочастии» порвал связи с людьми своего социального круга, выпал из «чина», стал отверженным от общества; Фрол Скобеев, напротив, обманом попал в «чин» знатных людей, совратив боярскую дочь. Главное, что все эти нарушения вызывают сочувствие и симпатию авторов и, вероятно, читателей этих повестей.

Примечательно, что в так называемых петровских повестях XVIII в. герои уже целиком самостоятельны в выборе жизненного пути, инициатива полностью в их руках: Василий Кориотский сам принимает решение пойти на государственную службу, чтобы присылать часть жалованья обедневшему отцу; кавалер Александр, пренебрегая честью рода, радеет о чести своего

---

[28] ПСЗ. СПб., 1830. Т. 1. № 607; Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 2. С. 7.

[29] Дмитрий Ростовский. Разсуждение о образе и подобии Божии в человеке. М., 1714.

[30] Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII века / Изд. П. Бессоновым. М., 1859. Ч. 1. С. 97.

дворянского сословия, называет себя «сыном российским», хотя своими поступками постоянно роняет и личную и сословную честь...[31]

Если бытовые повести рисовали нового героя, не укладывавшегося в рамки традиционных представлений, то ранняя русская драматургия, первые пьесы русского театра 1672—1676 гг. сохраняли еще средневековый тип и героя, и ситуации, и во многом изобразительных средств.

Поскольку придворный театр был рассчитан на основного зрителя, единственного в своем числе и роде — царя Алексея Михайловича, постольку центром постановок была фигура монарха. Авторы «Артаксерксова действа» не поскупились на изображение «чина царева»: прежде всего внешний облик правителя, атрибуты власти до мельчайших подробностей соответствовали подлинным и были выполнены из натуральных материалов, драгоценных камней, мехов и т. д. Символика золота издавна предполагала связь со «славой царств», еще со «Слова о полку Игореве».[32] «Златой скифетр», «златой престол», «златой венец» и тому подобные атрибуты власти фигурируют не только в «Артаксерксове действе», но и в других ранних произведениях для театра. «Злато» по чину положено только высшим образам, связанным с божественными силами, «божественным светом», олицетворяемым золотом. Когда существо низшее стремится к золоту не по чину, оно бывает наказано за свою гордость и вероломство: такова Астинь, противопоставившая себя царю, посягнувшая на «злато» Артаксеркса («Злато твое мя погубило и главу мою в срам облачило»).[33]

Все окружающие Артаксеркса должны воздавать ему «чин царев», причем в пьесе не разъясняется, в чем именно он должен состоять, вероятно потому, что «чин царев» был всем и каждому хорошо известен.[34]

Наконец, сам Артаксеркс рассуждает о своем чине, сам оценивая свои качества, соотнося их с чином, соответствуют ли. Размышляя о реакции на раскрытие заговора, о том, чего заслуживает Мардохей, сделавший это и спасший царя, Артаксеркс восклицает:

Что милость? Истинно бысть мне благодаренну,
Инако бы не царь был бых в моем чину.[35]

Так как отрицательных свойств в монархе «чин царев» не допускал, то порок пьянства, которым страдает библейский Артаксеркс, у героя пьесы (явно напоминающего самогó русского царя Алексея Михайловича!) отсутствовал. По этой же причине Тамерлан из отрицательного героя западноевропейской литературы превратился в русском варианте пьесы в героя положительного (Темир-Аксак), отчего «Темир-Аксаково действо» в целом получило новый смысл.

Остальные герои первых пьес выстраивались по иерархии чина, что наглядно видно из иерархии костюмов героев: самые дорогие меха и ткани шли на костюмы царей, цариц, других главных персонажей. Менее значительные герои получали и менее дорогие одеяния из сатина, выбойчатых тканей, опушку из заячьего меха и т. п. Костюмы слуг, отрицательных персонажей (участников пира Бахуса, братьев Иосифа и других) делались из крашенины, киндяка, используемого в реальной жизни на

---

[31] Подробнее см.: Черная Л. А. Становление нового героя // Русский и западноевропейский классицизм. М., 1982. С. 101—115.

[32] См.: Робинсон А. Н. Литература Киевской Руси в мировом контексте // IX Международный съезд славистов. Славянские литературы. М., 1983. С. 20—22.

[33] Первые пьесы русского театра. М., 1972. С. 121.

[34] Там же. С. 152.

[35] Там же. С. 167.

подкладку, «пестрины». Причем «пестрина» — это маркировочный знак «безчиния», контрастирующий с однозначностью и однотонностью «чина».

Однако если в изображении мужских образов русский театр Алексея Михайловича следовал закону «чина», то с женскими произошли некоторые неувязки. Хотя и здесь положительные жены (Иудифь, Есфирь) показаны по средневековым канонам: скромные, кроткие, преданные Богу и царю, идеал добродетели, а отсюда и неземной благодатной красоты, но и отрицательные героини обладают внешней красотой (Астинь характеризуется другими персонажами как «предивный образ», «прекрасная», «предивная голубица», «краснейша всех, всех жен избраннейшая», «боголепна и чином»). Отсюда следует, что красота воспринимается как нечто самостоятельное, независимое от добродетели, «благое» и «прекрасное» еще рядом, но уже не одно и то же. Самое же замечательное, что новое понимание «прекрасного» связывается с «естеством» — природой человека. Естественная красота лица, тела, которых боялись и проклинали в средневековых текстах — «Красота личная тело и душу губит»,[36] теперь воспринимаются как дар природы, возвышающий женщину: именно благодаря своей красоте Есфирь оказывается «достойной» царственного венца:

Истинно, княгиня ты еси родилась
Ни злаго чина тесных стоп,
Но самое убо, убо естество
к вящим путем тя избирало,
Истинно, тебе что естество воздало,
знаменует, яко еси венца достойна.[37]

В этих словах проскальзывает и понятие «чин естества», по которому Есфирь, будучи по происхождению из бедного рода, оказывается достойной княжеского рода и царского избрания в жены. Такое понимание красоты явно противоречит средневековому отрицанию внешней телесной красоты, старой категории «чина» и формирует новые, уже чисто эстетические нормы, где естественной природной красоте отведено центральное место.

Наконец, «чин» подвергается переосмыслению и в общественной и философской мысли; и здесь с ним происходит непростая и интересная метаморфоза: из норматива, регламентированного религиозно-нравственными критериями, он превращается в разумный порядок, опирающийся на живой человеческий опыт, на рационалистическое начало. Например, Николай Спафарий в «Книге о сивиллах» разъяснял, что все, что «нечиновне», — «зело темно и неудобь разумно является», т. е. не постигается человеческим разумом. Он призывает писать книги, строить рассуждения, произносить речи «чиновне», что, по его мнению, значило прибегать к категориям Аристотеля, поскольку определение каждой вещи по чину должно сводиться к четырем «вопросительным определениям»: «аще есть, что есть, какове есть и чесо ради есть».[38] Порядок-чин, таким образом, целиком опирается на разумные критерии, созданные в языческой древности «внешними философами», авторитет которых в России до второй половины XVII в. был весьма относительным. Да и в то время немало еще было противников «внешних лжей», написанных в «богомерзких книгах латынников»: об этом писали и чудовский инок Евфимий, и протопоп Аввакум, и многие другие «восточники».[39] Тем не менее появилась и новая трактовка «чина» и защитники ее: помимо Спафария назовем еще Сильвестра Медведева,

---

[36] Пролог: ЦГИА, ф. 834, оп. 4а, № 1450, л. 5.

[37] Первые пьесы русского театра. С. 135.

[38] ЦГАДА, ф. 181, № 462, л. 9 об. См. также: Николай Спафарий. Эстетические трактаты / Подг. текстов и вступ. статья О. А. Белобровой. Л., 1978. С. 19.

[39] См.: Сменцовский М. Братья Лихуды. СПб., 1899. Приложения.

чтившего Аристотеля, Юрия Крижанича, В. В. Голицына, наконец, более молодое поколение — Илью Копиевского, Леонтия Магницкого и др.[40]

Николай Спафарий вводит понятие «чин» как основное в науке. В «Книге избраной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» он разъясняет, что «чин наук» заключается в переходе от «простейших к совершеннейшым»: от грамматики к риторике и диалектике («понеже прежде глаголати учимся, потом разделяти ложь от истины»), а затем и к остальным «свободным художествам».[41] Каждая из наук определяет свой «чин» — значение в связи с остальными науками для пользы человека. Грамматика говорит о себе: «И тако мною составляхуся вся чиновная творения и сплетаемыя стихи и вся прочитаемыя книги». Риторика называется «чиновницей во уставех», ее «чин» состоит в «речеточстве, занеже разумеет писати и глаголати». Диалектика среди множества своих достоинств называет и «доброчинное строение на соборех людских». Арифметика вторит ей: «...аз всякому рукоделию мера и везде всем градовом и домовом и всему жителству их правило и чин похвалный».[42]

Поскольку становление науки как самостоятельной, отделенной от религии сферы человеческой деятельности пошло более интенсивно в начале XVIII столетия, постольку и понятие «чина» в литературе того времени все более углубляется. В частности, первые начатки исторической науки связываются с понятиями «чина времен»,[43] «чина историчного»; «Арифметика» Леонтия Магницкого оперирует сразу несколькими «чинами», связанными как с математикой, так и с философией, и т. д.[44]

В таких сферах русской культуры как архитектура, живопись, декоративно-прикладное искусство, музыка разрушение концепции «чина» вскрывать и сложнее и проще. Сложнее, потому что художественная культура пользуется не языком фактов и рассуждений, а образов, красок, эмоций. Проще же потому, что любой отход от догмы здесь нагляднее, зримее, осязаемее.

Окаменевший чин стал камнем преткновения для развития архитектуры. Творческие поиски зодчих, выразившиеся в новом пространстве шатровых храмов, были восприняты «ревнителями благочестия» как посягательство на «освященное пятиглавие». В 1653 г. по указу патриарха Никона строительство шатровых церквей было запрещено.[45] «Освященное пятиглавие» заменило диалектику благого—прекрасного формализованной догмой, но русские архитекторы хитроумно «обошли» этот указ Никона, начав строить шатровые колокольни при «чинных» пятиглавых храмах.

Автономия прекрасного утверждалась в архитектуре как культовой, так и гражданской и выражалась в усилении декоративности. При этом новые декоративные элементы (в основном барочного стиля) накладывались на поиски новых пространственных решений (в основном ренессансного характера).[46] Историки архитектуры называют новую архитектуру второй половины XVII в. и «московским барокко», и «нарышкинским стилем», и «нарышкинским барокко», но до сих пор не могут прийти к единству. А

---

[40] См.: Брайловский С. Н. Один из «пестрых» XVII столетия. СПб., 1902; Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII в.

[41] Николай Спафарий. Эстетические трактаты. С. 26.

[42] Там же. С. 31, 33, 34, 37, 47.

[43] Копиевский И. Введение краткое во всякую историю... М., 1699. С. 9.

[44] Описание артиллерии. М., 1710. С. 1; Магницкий Л. Арифметика. М., 1703. Л. 3, 15 об.

[45] История русского искусства. М., 1959. Т. 4. С. 64.

[46] См.: Давыдова И. Л. Проблема «нарышкинского стиля» в русском искусстве второй половины XVII века: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1978; Материалы всесоюзной конференции по русской культуре XVII в. М., 1988 (в печати).

единства и не может быть, поскольку архитектура этого переходного времени уже отказалась от однозначности чина, она плюралистична по подходам, поискам новых решений, в ней все более возрастает роль заказчика здания, ориентирующего строителей на свой, как правило, иноземный образец.

Так же как в архитектуре, в живописи личностное начало постепенно проникает в систему чина и разрушает его. Выделяется несколько аспектов этого процесса: 1) усиление декоративности; 2) появление нового жанра — портрета; 3) отказ от «обратной» перспективы и переход к прямой перспективе. Основным открытием, конечно, является прямая перспектива, и именно она более всего показывает, сколь глубоко зашло разрушение чина. Согласно последнему, изображение на иконах строилось в строгой иерархии: важнейшие персонажи библейской истории должны были изображаться значительно бóльшими по размеру, чем персонажи второстепенные. Чин не допускал, чтобы фигура Христа или Богоматери, находящаяся на втором плане иконы, была бы меньше фигур, расположенных на переднем плане, либо чтобы в линейной композиции все тела были одинаково пропорциональны. Прямая перспектива несовместима с устоями чина, и ее появление знаменует отказ от них.[47]

Второй по значимости аспект — зарождение портретного жанра, начавшееся еще в конце XVI в. в виде «парсуны». Первоначально очень близкие к иконе «парсуны» постепенно оформлялись в светский тип изображения, а соединившись с прямой перспективой, утратили связь с иконописью совсем. Общеизвестно, что большую роль в развитии портрета сыграли контакты с западноевропейским искусством. Известные парсуны Ивана Грозного, Бориса Годунова, Скопина-Шуйского сменились в середине XVII в. портретами Алексея Михайловича, патриарха Никона, царевны Софьи и др. В конце XVII—начале XVIII в. не только знатные вельможи при русском дворе, но и люди попроще заказывали свои потреты.[48]

Русский портрет XVII в. формировался как бы в междучинии, отступив от «макрочина», но не отказавшись от «микрочина». С одной стороны, портрет функционально направлен на отражение не идеальной, а реальной личности, тем самым его целью уже не является макрочин — двуединство благого—прекрасного, но, с другой стороны, изображение пока еще фиксирует не личность как таковую, а скорее социальный статус портретируемого, т. е. его чин (в узком значении понятия). Атрибуты «чина» царя, полководца, царедворца и т. п. еще превалируют на парадных портретах, «внешний» человек еще торжествует над «внутренним», что вполне закономерно для стадии становления нового искусства. Новая гармония «внутреннего» и «внешнего» в человеке впервые проглянет, пожалуй, в знаменитом, хотя и незаконченном, автопортрете Андрея Матвеева с женой, где душевные качества: ум, доброта — сливаются воедино с внешними данными — красотой лица и тела, простотой костюмов и т. п., а соединяясь, дают уже не портрет социального «чина», а портрет личности, наделенной глубоким чувством собственного достоинства, независимо от занимаемой ею ступени на социальной лестнице.

Усиление декоративности, давно отмеченное в русской иконописи «строгановской» школы и других направлений, проникновение барочных элементов, а также маньеризма следует признать одним из решающих факторов

---

[47] См.: Лихачев Д. С., Лихачева В. Д. Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971. С. 28.

[48] Овчинникова Е. С. Портрет в русском искусстве XVII века. М., 1955; Петров П. Н. Русские живописцы — пенсионеры Петра Великого // Вестник изящных искусств. СПб., 1883. Вып. 1.

разрушения системы «чина» во всей художественной культуре XVII в. Декоративность неизбежно влечет за собой «пестроту» — антипод «чина», «пестрота» нарушает иерархию, соподчиненность, однотонность, она плюралистична по своей сути.

Что касается декоративно-прикладного искусства, то сюда вслед за «пестротой» начинают проникать западноевропейские символика, сюжетика, орнаментика. Вещи, имевшие свой «чин» (например, зеркало),[49] приобретают амбивалентность, двойственную оценку, а затем выпадают из системы чина совсем. Новая светская сюжетная роспись утверждается в эмалях (например, композиция «пять чувств», переданная через женские и мужские фигурки в знаменитых усольских эмалях), изразцах и т. п.[50] Гравюры украшают стены домов знати, лубки — стены домов горожан.[51] Новые, неизвестные ранее в России предметы западноевропейского быта, естественно не имевшие маркировки «чином», формируют новую моду, быт русских людей. Все это сопровождается борьбой «макрочина» за сохранение своего диктата в культуре.

Не остается вне этой ломки и музыкальное искусство: специальные комиссии дидаскалов, созванные по приказу царя Алексея Михайловича, в 1652—1654 гг. и 1669—1670 гг. попытались унифицировать крюковые тексты песнопений, привести их к одному общему «чину», но «на смену древнерусской монодии, завершавшей свой исторический путь, шло партесное многоголосие вместе с новой пятилинейной нотацией, новой музыкальной теорией и эстетикой».[52] В известной «Идее грамматики мусикийской» Николая Дилецкого ставится вопрос о создании нового — чисто эстетического — музыкального чина, сопоставимого с «чинами» семи свободных художеств.[53]

Что же произошло с универсальным понятием «чин», игравшим такую важную роль в средневековой русской культуре? Видимо, не простое расширение сферы его применения, не естественное развитие в рамках той же культурной системы, а нечто более серьезное и сложное. Прежде всего, формализация и закостенение его в пределах придворной культуры и церковной сферы, выразившиеся в попытках письменного закрепления «чина» любой вещи, явления, человека. Подобная попытка — отзвук многочисленных нарушений закона «чина» во всех сферах, свидетельство кризиса всей системы средневековой культуры. Перечень подобных нарушений, сделанный нами ранее, можно значительно пополнить, но не в этом дело. Дело в том, что средневековое понимание «чина» изживало себя, дойдя до предельной черты своего смыслового выражения, догматизировалось и превратилось в тормоз для развития русской культуры.

То, что происходило с этим понятием во второй половине XVII в., можно назвать прорывом личностного начала и победой последнего над догмой-чином. Главное, по-видимому, — это смена вертикально-осевой структуры «чина» центрической композицией (если так можно выразиться), центром которой стал человек. От него, как от ядра, во все стороны протянулись нити новых «чинов», связанных с его природой («естеством»), разумом, красотой и т. д. Отсюда все последующие изменения в содержании, вкладываемом в это понятие, а также появление принципиально новых

---

[49] См.: Бусева-Давыдова И. Л. Зеркало в русской эстетике XVII в. (в печати).

[50] См.: Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV—XIX веков. М., 1976.

[51] Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. 1.

[52] Парфентьев Н. П., Парфентьева Н. В. Русский распевщик и музыкальный теоретик XVII в. Ф. Н. Суботин // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 140.

[53] Памятники русского музыкального искусства. М., 1979. Вып. 7. С. 21—25.

сфер его приложения (например, область научных знаний). Не человек теперь подчиняется «чину», стоящему над всем человеческим, а «чин» начинает служить человеку, становится одним из орудий личности.

Вместе с тем кончается и средневековая однозначность «чина» как образца, канона, появляется плюрализм подходов к явлениям культуры.

XVII век, как известно, — переходный период, и, как всякая переломная эпоха, он противоречив, неустойчив, смутен... Но все же перемены, происходящие с понятием «чин», позволяют говорить об определенных закономерностях. Формируется новая культурная система, светская по форме, гуманистическая по содержанию, открытая по характеру, плюралистическая по подходам. В этой системе средневековому «чину» нет места, его полисемантичность заменяется размыванием сути понятия, «расщеплением» этого «атома» на составные частицы («благое» и «прекрасное») и, наконец, сужением сферы его применения к концу XVIII в., когда «чин» активно фигурирует только в бюрократическом словаре и в пределах церковной системы.